

## КАК ПЛОХИЕ ИНСТИТУТЫ И ПОЛИТИКА РАЗРУШАЮТ ЭКОНОМИКУ. ПРИМЕР ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

ПОПОВ ГРИГОРИЙ ГЕРМАНОВИЧ,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики,  
Московская академия экономики и права,  
e-mail: grigoriipopov1977@yandex.ru*

*Статья посвящена проблемам экономического развития Веймарской Германии. Автор считает, что экономика Германии в тот период страдала от слишком сильных налоговой нагрузки и расходов государства. Муниципальные расходы на строительство, как предполагает автор, привели к перенапряжению кредитного рынка Германии в начале 1930-х гг., что стало, как он считает, одной из основных причин депрессии в Германии. В своем исследовании автор опирается на ранее не опубликованные архивные данные.*

**Ключевые слова:** кризис Веймарской республики, Великая депрессия, институциональная экономика, экономическая политика государства.

## HOW BAD INSTITUTIONS AND POLICIES ARE DESTROYING THE ECONOMY? AN EXAMPLE OF WEIMAR GERMANY

POPOV GREGORY, G.,

*candidate of economic sciences (PhD),  
associate professor of the department "World economy",  
Moscow academy of economy and law,  
e-mail: grigoriipopov1977@yandex.ru*

*The paper is devoted to problems of economic development of the Weimar Germany. The author thinks, that the German economy in the period suffered from excessive tax burden and expense of the state. Municipal costs for construction, as the author suggests, led to the strain of the credit market in Germany in the early 1930s., that was, as he believes, one of the major causes of depression in Germany. In his study, the author relies on earlier not published archival data.*

**Keywords:** the crisis of Weimar Republic; Great depression; institutional economics; economic policy of state.

**JEL:** N21, N22, N23, N40, N42, N44, N61, N63, O11, O38, O40, P11.

### Опыт прошлого для понимания настоящего

Настоящая статья посвящена недостаточно исследованной в России теме трансформации экономик стран ЦВЕ после Первой мировой войны. Почему нам должен быть интересен, с точки зрения экономической истории, именно этот период? Познавая чужие кризисы, мы можем приблизиться к ответам на вопросы о современных кризисах российской экономики. Например, насколько степень спада в экономике России 1990 гг. могла реально повлиять на снижение темпов модернизации страны? Обращение к

опыту развития стран ЦВЕ в первой трети прошлого века позволяет нам увидеть, что спад в макроэкономической системе еще не означает отказ от модернизации на уровне отрасли и компании.

Распад Австро-Венгрии и территориальные потери Германии после Первой мировой войны не стали факторами замедления модернизации обеих стран. Напротив, даже в условиях гиперинфляции в Германии шло относительно быстрое восстановление тяжелой промышленности. Инфляция не стала тормозом послевоенного восстановления практически во всей Европе, хотя, вероятнее всего, замедлила его темпы. Все сильно контрастирует с Россией после распада СССР. До сих пор, как хрестоматийную истину, нам внушают, что кризис в российской экономике носил структурный характер, так как были разрушены старые хозяйственные связи между республиками, сократился военный заказ и т. д. и т. п. Надо сказать, что с аналогичными проблемами сталкивались и экономики стран ЦВЕ после окончания мировых войн. Однако таких последствий, как на территории бывшего СССР, не пережила после Первой мировой войны ни одна из экономик стран региона. Распад после Второй мировой войны колониальных империй также не привел к глубоким экономическим кризисам в Британии и Франции.

Акцент в исследовании делается на реакциях экономических субъектов (включая в первую очередь государство) в Германии на кризисные явления в макроэкономической системе.

Мы выдвигаем свою гипотезу кризиса экономики Веймарской республики. По нашему мнению, Веймарская республика пережила коллапс в силу внутренних институциональных особенностей своей экономики, а также слишком высоких расходов государства, что, собственно, и стало следствием изменения институтов в национальном хозяйстве. Наше мнение расходится с распространенной в науке точкой зрения, что падение Веймарского режима было отчасти спровоцировано низкими расходами государства (*Dimsdale, Horsewood and van Riel, 2006. P. 778-808*). Особенно важной причиной кризиса Веймарской республики считалась политика денежной рестрикции по плану Юнга, которой следовало правительство Веймара в период Великой депрессии (*Borchardt, 1991a; 1991b*). Напротив, мы считаем, что сконструированный социал-демократами в 1919-1920 гг. новый бюджетный порядок, заключавший в себе идею повышения расходов и фискальной нагрузки на экономику, нанес вред Германии в период ее восстановления, который фактически так и не завершился к 1929 г., когда началась Великая депрессия.

Мы также считаем, что Версальские репарации не стали причиной кризиса экономики Германии. Мы не согласны с мнением, что прекращение притока инвестиций и кредитов из США усилили кризис в Германии 1930-х гг. настолько, что в стране рухнула демократия (*Schmidt, 1934; Sommariva and Giuseppe, 1987*). Как мы покажем ниже, американские финансы хоть и играли заметную роль в хозяйстве Веймарской республики, но не такую, чтобы их отток вызвал коллапс начала 1930-х гг.

Опыт Веймарской республики нам интересен также и с другой точки зрения. До сих пор в науке ведутся дебаты о роли государства в экономике. Мнения на данный предмет сильно расходятся, от позиции ультра-либералов до посткейнсианцев и неомарксистов. Последние, особенно в бывших республиках СССР, предлагают полностью или частично

восстановить плановую экономику. В науке общепринято разделять развитие экономических мысли и политики на периоды до и после Дж. М. Кейнса, как будто знаменитая работа Кейнса, выпущенная по «горячим следам» Великой депрессии, является некоей вехой в осмыслении государственной экономической политики. Соответственно, то, что было до Кейнса, обозначается как эпоха либерализма в экономике, когда государства было мало в экономике. Мюррей Ротбарт в свое время развеял эти представления, показав, что государство в США играло в период между окончанием Первой мировой войны и Великой депрессией достаточно серьезную роль в экономике. Именно политика федеральной власти, по мнению М. Ротбарта, стала ключевым фактором «разгона» рецессии конца 1929 г. до масштабов бедствия экономики США и других капиталистических стран (Ротбарт, 2005).

Изучение материалов по экономике Веймарской республики убедили автора настоящих строк в том, что концепция причин Великой депрессии, выдвинутая М. Ротбартом, в целом подходит и к Германии. Высокие расходы государства в сочетании с сильной налоговой нагрузкой спровоцировали, по нашему мнению, коллапс экономики Германии в начале 1930-х гг. Главная проблема Германии того периода, как предполагаем, заключалась в архитектуре фискального порядка, что стало результатом политических процессов в стране еще конца Первой мировой войны.

### Структурный кризис в межвоенной Германии

К структурным проблемам, возникающим обычно после войны, относится потребность в конверсии. Грубо говоря, вопрос стоит так: сколько мощностей *надо* конвертировать на мирные нужды и сколько из работавших на войну мощностей действительно *возможно* конвертировать в силу технических и конъюнктурных факторов? Разумеется, это — проблема микроуровня, но влияющая непосредственно на состояние макроэкономической системы.

Второй структурный вопрос послевоенного восстановления: сколько и чего было потеряно во время войны вследствие как непосредственно боевых действий, так и «замораживаний» мирных производств, включая, например, жилищное строительство? Это — вопрос как микроэкономического, так и макроэкономического уровней. Для последнего уровня в первую очередь нам важно знать, что стало с занятостью населения и с национальным доходом. В этом контексте нам также очень важно знать, сколько было потеряно национального богатства. Также имеет большое значение проблема накоплений, сделанных за счет доходов от военных заказов. По сути, накопления как денег, так и материальных средств, сделанные за счет государственного бюджета, являются в период послевоенного восстановления важным фактором роста экономики.

Рассмотрим сначала накопления от государственного заказа в период войны, в результате которых в отдельных воевавших странах вырос ВВП. Надо сказать, что роста ВВП в Германии во время Первой мировой войны не было, а после 1915 г. обозначился резкий спад в экономике.

Некоторыми исследователями в прошлом десятилетии было поставлено под вопрос сложившееся еще в межвоенный период научное положение, что Первая мировая война в Германии привела к резкому перераспределению доходов (Baten and Shulz, 2005. P. 35). Дело в том, что

условия военного производства в годы мировых войн, особенно в период Великой войны 1914-1918 гг., не требовали вовлечения столь больших производственных мощностей и трудовых ресурсов, как это произошло в период Холодной войны.

Исследователи 1920-х гг. находились под впечатлением череды революций, прокатившихся по Европе в 1917-1919 гг. В те времена революции объяснялись социальным неравенством, и это неравенство, как было предположено, оказалось спровоцировано войной, когда государственный заказ обогатил бизнес (*Baten and Shulz, 2005. P. 34*). Однако наибольшее обогащение бизнеса от войны произошло в Великобритании и США; тем не менее, революционные потрясения обошли их стороной. Резкое падение доходов населения Германии в конце Первой мировой войны тоже поставлено под сомнение рядом современных авторов (*Baten and Shulz, 2005. P. 34*).

Долгие годы исследования экономики Первой мировой войны были сильно идеологизированы и проводились в основном сочувствовавшими левым партиям учеными. Разумеется, в этих условиях факты подгонялись под теорию, а теория была озвучена еще в годы Великой войны В.И. Лениным, у которого сказано, что инициатором войны выступил крупный капитал, он же получил прибыли от войны. При этом никакого серьезного эмпирического анализа на этот счет не проводилось (и не могли проводиться – естественно, Ленин не имел доступа к бухгалтерским счетам фирм Крупн либо Веккерс). Выводы исследователей Первой мировой войны базировались на ограниченном круге данных. Например, известный в изучении данной проблемы историк Хардах подтвердил концепцию Ленина, проанализировав финансовые данные только трех немецких компаний, работавших на правительство в годы Первой мировой войны, при этом не позаботившись даже пересчитать прибыли с учетом инфляции (*Baten and Shulz, 2005. P. 35*).

В исследованиях поведения фирмы в военной экономике также долгое время не учитывался такой фактор, как риски капиталовложений в специализированные активы, которые окажутся не востребованными после войны и, возможно, уже во время нее. К этому также следует добавить риски повышенного износа и высокой частоты поломок оборудования. Например, во время войны управляющие компании Крупн настаивали перед налоговыми органами, что отчисления от прибыли на амортизацию должны составлять не 8%, как утверждали чиновники, а в условиях военного производства — 14% (*Baten and Shulz, 2005. P. 35*). Возможно, менеджеры Крупн и преувеличивали степень износа оборудования, однако есть данные, что за всю Первую мировую войну компания Крупн отчислила на амортизацию и связанные с военным производством технико-организационные издержки 65,3 млн. марок, что составило около 50% от прибыли компании за весь военный период (*Hardach, 1973*). Хардах счел эти расходы незначительными, сделав вывод, что немецкий крупный капитал все-таки нажился на Великой войне. Однако 50% амортизационных и схожих с ними расходов от прибыли — это намного больше, чем даже оценка управляющих компании Крупн в 14%. Можно представить, какие расходы на амортизацию несли менее сильные фирмы.

Поскольку рост цен в 1917-1920 гг. составил более 1000% от довоенного уровня, то нетрудно представить, что произошло с прибылью на капитал, - она была просто «съедена» инфляцией. Как подсчитали Батен и

Шульц на основе анализа документов налоговых служб Рейнланда, прибыль, большую, чем в 1913 г., в годы Первой мировой войны получали только предприятия химической промышленности, металлообработки и машиностроения. Если брать 1913 г. за 100%, то в 1917 г. в химической отрасли прибыль достигла 144%, в металлообработке и машиностроении — 121% (*Baten and Shulz, 2005. P. 43*). Правда, эти результаты были достигнуты после спада 1914-1915 гг., когда в химической промышленности показатель прибыли составил в 1914 г. 77% от довоенного уровня (*Baten and Shulz, 2005. P. 43*).

Рост прибылей в отдельных отраслях промышленности был вызван планом Гинденбурга, который был направлен на перераспределение ресурсов из сектора услуг, легкой промышленности и сельского хозяйства в тяжелую индустрию. Однако мобилизация экономики по Гинденбургу привела к спаду во всей остальной экономике, кроме химии, металлообработки и машиностроения. Прибыль в угледобыче упала до 39% от довоенного уровня, в банковском и страховом деле — до 30% от предвоенного уровня (*Baten and Shulz, 2005. P. 43*). Общая норма прибыли, работавших на военный заказ компаний, упала, по подсчетам Батона и Шульца, до 82% в 1917 г. от довоенного уровня (*Baten and Shulz, 2005. P. 43*). Связано это было с мобилизацией персонала. При этом работавшие на военный заказ фирмы нередко испытывали затруднения с получением финансовых ресурсов, так как фондовый рынок был расстроен.

Работа на военный заказ, как мы сказали выше, была связана с рисками переинвестирования в сомнительные активы, например, в уникальное оборудование. Избыток производственных мощностей сам по себе был в состоянии подорвать финансовое положение компании после войны, если та работала в основном на военный заказ либо была косвенно сильно связана с военным производством.

Тем не менее, никакого нарушения в пропорциях в распределении доходов между богатыми и бедными в Германии не произошло. Как показали в своем исследовании Батен и Шульц, доля зарплаты в прибыли сохранялась всю войну на том же уровне, что и в 1913 г. (*Baten and Shulz, 2005. P. 44*).

Все сказанное выше означает, что с учетом инфляции, повышенных амортизационных отчислений и послевоенных убытков от переинвестирования в отдельные активы эффект от военного заказа для германской экономики был либо нейтральным, либо даже отрицательным. Надо также принимать во внимание послевоенный конъюнктурный спад, который отразился непосредственно на всех компаниях, работали они на военный заказ или нет.

Понесшая меньшие в годы Первой мировой войны потери Австрия продемонстрировала в 1919-1924 гг. те же тенденции спада, что и Германия. Общевропейский спад после войны вызвал снижение прибыли у почти всех австрийских компаний. Если предположить, что, не будь репарационных потерь, германские промышленные компании имели бы то же самое падение прибыли, что и австрийские компании, то надо сказать, эффект от войны для бизнеса был скорее всего очень отрицательным.

Прибыльность некоторых австрийских промышленных компаний после Первой мировой войны, по сравнению с 1913 г., показана ниже (см.

табл. 1).

*Таблица 1*

**Динамика чистой прибыли по некоторым австрийским компаниям**

Фирма	Отрасль или отраслевой комплекс	Низший уровень чистой прибыли в начале 1920-х гг.	% чистой прибыли в 1913 г.
Alpine	Металлургия	1,3%	52,8%
Veitscher	Добыча полезных ископаемых	21%	Нет данных
Semperit	Резиновая промышленность	20%	18%

Alpine была исключением из правила, поскольку остальные металлургические компании все-таки удержали прибыли на довоенном уровне после, правда, их падения в первые 2-3 года после окончания войны (Wessels, 2007. P. 36-39). Однако посткризисное повышение прибылей компаний в Австрии достигалось за счет также сокращения активов и количества рабочих мест. Данные по этому поводу у нас тоже неполные и достаточно разбросанные по временной шкале от 1919 до 1923 гг. Тем не менее, даже по имеющейся у нас информации о процессе оптимизации промышленного производства, можно сказать, что австрийская промышленность претерпела в поствоенный кризис существенный спад в объемах выпуска и масштабах занятости (см. табл. 2).

*Таблица 2*

**Динамика некоторых показателей по ряду австрийских фирм**

Фирма	Отрасль или отраслевой комплекс	Сокращение персонала, % от довоенного уровня	Совокупный объем выпуска, % от уровня 1913 г.
Alpine	Металлургия	26,5	80
Veitscher	Добыча полезных ископаемых	Нет данных	67
Böhler	Металлургия	0	Нет данных
АЕG	Электрическая промышленность	Нет данных	50
Siemens	Электрическая промышленность	70	Нет данных
Hoffher-Schranz	Тракторостроение	40	65

Дефицит данных не позволяет нам судить однозначно о последствиях послевоенной трансформации промышленности в Австрии. Однако по данным о АЕG видно, что фирмы, работавшие на военный заказ, понесли после войны большие потери. Это было связано не только с конфискацией заграничной собственности, но также и с другими причинами. В частности,

австрийские предприятия AEG не подверглись репрессивным мерам после заключения Версальского договора.

Мы имеем отрывочные данные по выпуску локомотивов и прочей железнодорожной техники в Австрии после Первой мировой войны. Согласно этим данным, из 6-ти занятых в Австрии выпуском этой продукции фирм две обанкротились и закрылись в конце 1918 г. (*Wessels, 2007. P. 50*). Фирмы выпускали 600 локомотивов до войны ежегодно, однако для периода 1918-1923 гг. у нас нет данных о масштабах выпуска этой техники. Как пишет Вессель, производители железнодорожной техники выживали в основном за счет выпуска запчастей, двигателей и тендеров, однако больших потерь в производительности не наблюдалось вплоть до 1924 г., когда фирмы потеряли большую часть внешнего рынка из-за высоких внутренних издержек, которые превзошли мировые цены на локомотивы и прочую технику. Как считает Вессель, выживание производителей железнодорожной техники в Австрии после Первой мировой войны было обусловлено высокой инфляцией (*Wessels, 2007. P. 50*), которая позволила им, как и многим фирмам в Австрии и Германии, подзаработать на росте цен и диспропорциях в обмене, о чем ниже.

Так или иначе, но, очевидно, тесно связанные с военным заказом локомотивные компании Австрии от войны ничего серьезного в финансовом отношении не получили. Точно также в проигрыше оказался главный производитель боеприпасов в Австро-Венгерской империи – компания Enzefelder, которой пришлось после войны сократить около трети своего персонала, ее чистая прибыль оставалась и в 1923 г. на довоенном уровне (*Wessels, 2007. P. 43*). Трансформация фирмы из производителя военной продукции в предприятие, занятое выпуском оборудования для сети железных дорог, заняло почти четыре года (*Wessels, 2007. P. 43*).

Теперь посмотрим, из-за каких причин в немецкой экономике произошел спад в период Первой мировой войны и первых пяти лет после ее окончания. Поднимая этот вопрос, мы должны вспомнить о другом распространенном в науке положении, будто Веймарская Германия пострадала от репараций, что вызвало почти все ее беды в экономике. Тема репараций была выгодна как левым, так и правым, и не только в Германии.

Отступая осенью 1918 г., германские вооруженные силы уничтожили большие объемы собственности на территории Северо-Восточной Франции. Разумеется, французы уже тогда намеревались предъявить за это счет. Репарации и носили цель — компенсировать потери в первую очередь Франции. Но выплаты репараций начались после апреля 1920 г., когда в Германии уже вовсю развивался экономический кризис, хотя видимых оснований для него не существовало: приток демобилизовавшихся солдат в экономику должен был снять проблему дефицита рабочих рук, амортизация в промышленности продолжалась всю войну, финансовая система после прекращения военных расходов должна была прийти в норму.

Общий заявленный правительством Веймарской республики объем сделанных репарационных выплат составлял около 52 млрд. рейхсмарок, но на самом деле, как установили впоследствии историки, было выплачено в общей сложности 25 млрд. рейхсмарок, из них 12 млрд. – в форме денежной наличности, остальное — в основном товарами (*Меллер, 2010. С. 120-133*). 11 млрд. рейхсмарок было выплачено Германией в период с 1924 по 1931 гг. (*Меллер, 2010. С. 120-133*). Таким образом, больше половины репараций

было уплачено еще до принятия плана Дауэса.

Приведенные выше цифры по репарационным выплатам пока что нам ничего не говорят, если мы не проведем сопоставлений этих финансовых затрат Веймарской республики с другими показателями. ВВП Германии в 1914 г. составил приблизительно 16 млрд. долларов США в ценах 1913 г., или приблизительно 64 млрд. рейхсмарок. Таким образом, 2,8 млрд. рейхсмарок репараций составляли примерно 4,4% ВВП Германии 1914 г., или около 5% ВВП Германии 1918 г. Но надо учесть, что военные расходы Германии за только октябрь 1918 г. составили 4,8 млрд. рейхсмарок (*Меллер, 2010. С. 121*). Общий объем расходов, по современным оценкам, составил 150 млрд. рейхсмарок (*Baten and Shulz R, 2005. P. 33*). Однако такое напряжение экономики Германии, как расход почти четырех ее годовых ВВП на войну, привел к сокращению ВВП в 1918 г. на около 20% (*Baten and Shulz, 2005. P. 33*).

Разумеется, огромные военные расходы кайзеровской Германии не вызывали у большинства немцев возражений, но репарационные выплаты спровоцировали рост протестных настроений. При этом в Германии произошло резкое сокращение расходов на армию, увеличились налоги и социальные выплаты.

Причины кризиса экономики Веймарской республики, очевидно, нельзя сводить в основном к выплатам репараций. Как оценивали ситуацию в немецкой экономике исследователи из Института конъюнктуры в Берлине в начале 1930 гг., Германия переживала в эпоху Веймара то, что принято называть застоем. Интересно и то, что замедление развития, инфляцию и последствия неуклюжей антиинфляционной политики переживала даже в бурные, или как их еще называют «золотые», 1920-е гг. и остальная Европа, но об этом ниже.

Итак, в чем же заключался «застой по-немецки» в условиях свободного рынка, одного из самых высоких уровней технологического развития и финансовых вливаний в основном из США? Мы будем опираться на данные Института конъюнктуры, полученные немецкими экономистами еще на закате Веймарской республики.

Согласно выводам, основанным на собранной статистике движения средств населения через сберегательные кассы, аналитики Института конъюнктуры пришли к выводу, что покупательная способность населения Германии в середине 1928 г. составляла 40% от уровня 1913 г., а объем сбережений был тот же, что и в начале 1895 г.<sup>1</sup> Речь идет о периоде пика развития экономики Веймарской республики, «зенит золотых двадцатых».

По оценке Института конъюнктуры, за период с 1924 по 1928 гг. (пять лет в общей сложности) в германскую экономику было сделано инвестиций на сумму 20,5 млрд. марок<sup>2</sup>. Однако аналитики Института уверяли, что предыдущие исследования других организаций преувеличивали объем инвестиционных вложений. Из этого объема всех инвестиций в стране 11,5 млрд. рейхсмарок пришлось на государственные инвестиции, и только 9 млрд. - на частные, или по 1,8 млрд. рейхсмарок в год, что, по мнению специалистов Института конъюнктуры, явилось просто ужасающим<sup>3</sup>,

<sup>1</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.



учитывая, что перед Первой мировой войной капитальные накопления (*Kapitalbildung*) составили 8-10 млрд. золотых марок<sup>4</sup>. Правда, из записей специалистов из Института не следует, что эти 8-10 миллиардов были накоплены за один год и имеются ли ввиду инвестиции либо просто накопления, потенциально способные стать инвестициями.

Немного отвлечемся на чисто финансовый вопрос. Оценка стоимости золотой марки представляла и представляет известные сложности, поскольку данный тип денег кайзеровской Германии имел достаточно ограниченные масштабы хождения в период Первой мировой войны. В октябре 1920 г. примерная стоимость 1 зол. марки составила 14,5 бумажных рейхсмарок (*Мануйлов, 2009. С. 478*). Но в начале 1917 г. одна золотая марка оценивалась примерно в 1,3 бумажные рейхсмарки (*Мануйлов, 2009. С. 477*). Определить сейчас покупательную способность бумажной рейхсмарки в то время едва ли представляет возможность, как и истинную внутреннюю стоимость золотой немецкой марки конца Великой войны. Из-за этого после Первой мировой войны финансисты высчитывали курс бумажной рейхсмарки к золотой через доллар США, что, понятно, не вело к выявлению истинной стоимости обеих марок. Если исходить из логики профессора А. А. Мануйлова — современника тех событий, то, получается, перед войной золотая марка обменивалась на бумажную по курсу почти один к одному.

Мы можем предположить, что все инвестиции в Германии 1913 г. составили примерно 8-9 млрд. марок. Мы так предполагаем, потому что в 1924 г., первый год финансовой стабилизации в Германии, в экономику было вложено почти 7,5 млрд. рейхсмарок<sup>5</sup>. В 1913 году не могло быть вложено меньше, но и не более 10 млрд. марок, хотя едва ли все денежные накопления пошли на инвестиции. Правда, вероятнее всего, половина или немного более из всех сделанных в 1924 г. инвестиций пришлась на бюджет государства. Но даже с учетом этого в Германии едва ли могло быть вложено в экономику в 1913 г. менее 8 млрд. золотых рейхсмарок, так как потребность в инвестициях не могла быть меньше, чем в 1924 г.

Грубо говоря, если даже принять условно курс золотой марки 1913 г. к рейхсмарке 1928 г. как один к одному, то объемы инвестиций в Веймарской республике упали почти в четыре-пять раз, по сравнению с 1913 г. в кайзеровской Германии. Грубо говоря, экономика Германии сидела на голодном пайке, несмотря на немалые кредиты от США.

После 1923 г. долги Германии по репарациям были реструктурированы, согласно плану Дауэса. По пятилетнему графику, Германия должна была выплатить 7.435 млн. рейхсмарок в период с 01 сентября 1924 г. по 31 августа 1929 г. На первый год выплат пришлось 894 млн. рейхсмарок, из них 800 млн. марок покрывалось специальными зарубежными кредитами. Во второй год немцы были обязаны выплатить 1175 млн. марок, часть этой суммы (410 млн. марок) финансировалась за счет специального налога с домохозяйств<sup>6</sup>.

Как видно из приведенных выше цифр, никакого особо тяжелого бремени репарации для Веймарской республики не представляли. Если бы

<sup>4</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

даже эти деньги оставались бы в Германии, это еще не значит, что они превращались бы в инвестиции. Например, в 1926 г. в Германии были сделаны сбережения на сумму в 10.123 млн. рейхсмарок, когда общий объем инвестиций составил всего лишь 2.652 млн. рейхсмарок<sup>7</sup>. Значительная часть инвестиций шла, напомним, из государственного бюджета. Получается, что население не пожелало отдать более 10% сбережений на инвестиции, предпочтя срочные текущие вклады, которые никогда не являлись основным источником финансирования инвестиций.

Почему сбережения в Веймарской Германии не превращались в инвестиции? Вопрос сложный, требующий отдельного социально-экономического анализа. Очевидно, проблемы и факторы, препятствовавшие росту инвестиций находились с обеих сторон – со стороны населения как первоначального инвестора, а также со стороны компаний, которые являются акцептами инвестиций.

В 1924 г. эмиссия ценных бумаг, включая государственные, составила в Германии около 1,8 млрд. рейхсмарок<sup>8</sup>. Но из этого числа на акции пришлось только около 180 млн. марок. На начало 1924 г. в Германии практически не было сбережений<sup>9</sup>. Свое дело сделала гиперинфляция, которую удалось обуздать только к этому времени.

В 1926 г. эмиссия ценных бумаг в Германии достигла рекордной за всю эпоху Веймара отметки — почти 4,8 млрд. рейхсмарок<sup>10</sup>, когда, вспомним, в экономику было сделано инвестиций на почти 2,65 млрд. рейхсмарок. Получается, большая часть фондового рынка Германии являлась в 1926 г. спекулятивным сегментом. При этом объемы акционерного капитала продолжали расти вплоть до 1928 г., когда было выпущено акций на сумму около 1,33 млрд. рейхсмарок. В 1927 г. этот показатель составил около 1,4 млрд. рейхсмарок<sup>11</sup>.

Значительный рост фондового рынка в Веймарской Германии был спровоцирован эмиссией государственных ценных бумаг (см. табл. 3). Это указывает на искусственную капитализацию германской экономики, поддержанную зарубежными (преимущественно американскими) кредитами (см. табл. 4).

Резкое уменьшение денег на сберегательных счетах началось в Германии во втором полугодии 1928 г. До Великой депрессии в США еще был почти год, однако население предпочитало долго не хранить деньги в сберкассах. Судя по динамике общего объема оказавшихся на депозитах денег, доходы немцев продолжали расти и после обвала на Уолл-Стрит, достигнув в январе 1931 г. рекордной за весь рассматриваемый период отметки — 10,5 млрд. рейхсмарок. После этого началось «бегство денег из банков», когда объем сбережений сократился в 10 с лишним раз<sup>12</sup>.

Просматривается достаточно хорошо и другая особенность немецкой финансовой системы рассматриваемой эпохи — иностранные кредиты недостаточно обеспечивали инвестиции. Ввоз капитала в страну в формах иностранных кредитов либо полученных резидентами за рубежом доходов

<sup>7</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Там же.

на 80-90% финансировал создание товарных запасов. Капиталовложения в производство обеспечивалось в «золотые двадцатые» преимущественно за счет внутренних сбережений и государственных расходов<sup>13</sup>. Значительная часть средств пошла на поддержку ипотеки, то есть в достаточно рискованную в условиях восстанавливающейся экономики сферу.

Таблица 3

**Структура эмиссии ценных бумаг Германии в 1924-1930 гг.,  
млн. рейхсмарок**

Год	Ценные бумаги, кроме акций, всего	Гос. учреждений	Гос. предприятий	Муниципалитетов	Ипотечные облигации	Предприятия частных резидентов, кроме акций	Акции	Иностранные ценные бумаги	Всего
1924	440	21	6	10	367	36	148	0	588
1925	1080	15	113	38	840	74	656	0	1736
1926	3579	654	509	465	1628	323	988	0	4567
1927	2841	698	16	349	1597	181	1438	58	4337
1928	2905	456	207	489	1459	294	1339	14	4258
1929	1553	388	0	258	899	8	979	19	2551
1930	2667	80	190	548	1814	35	555	0	3222

Таблица 4

**Структура иностранного кредита в Германии, 1924 - 1930 гг.,  
млн. рейхсмарок**

Год	Всего	Гос. учреждениям	Гос. предприятиям	Религиозным организациям	Для облигаций муниципальных властей	Для подержки ипотеки	Банкам	Предприятиям частных резидентов
1924	42	0	0	0	0	0	0	42
1925	1265	379	260	16	15	105	0	490
1926	1555	344	307	64	128	67	0	645
1927	1412	269	63	14	0	515	189	362
1928	1465	166	428	32	107	367	0	365
1929	349	31	122	21	0	5	2	168
1930	1177	230	660	16	0	39	0	232

Другой особенностью германского пути развития в «золотые двадцатые» стал рост расходов на социальное страхование и налогов. Если в

<sup>13</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

1924 г. на социальное страхование в экономике было затрачено 152 млн. рейхсмарок, то в 1928 г. - 575 млн. рейхсмарок, налог с аренды жилья вырос с 270 млн. рейхсмарок в 1924 г. до 840 млн. рейхсмарок — в 1928 г. За пять лет в экономике Веймарской республики на этот налог и социальное страхование было перечислено 4742 млн. рейхсмарок<sup>14</sup> – это большая нагрузка на только встававшую на ноги финансовую систему. Общие поступления с налогов на недвижимость и транспорт составили в 1929/30 отчетном году 6271 млн. рейхсмарок<sup>15</sup>. Однако даже в условиях кризиса 1931 г. эти налоги сильно не снижались, дав казне в отчетном 1930/31 гг. 5961 млн. рейхсмарок<sup>16</sup>.

По оценкам специалистов из Института конъюнктуры, общая налоговая нагрузка в Германии в 1929 г. составила 14,4 млрд. рейхсмарок<sup>17</sup>, что означало изъятие государством 20,4% национального дохода<sup>18</sup>. В благополучном 1913 г. налоговая нагрузка на экономику составила 9% от национального дохода<sup>19</sup>, и это при том, что правительство кайзера финансировало дорогостоящие военные программы!

Пока что картина для нас неясна, поскольку мы не знаем реальные потребности экономики Веймарской Германии в инвестициях. Выплаты репараций, конечно, повысили спрос в Германии на инвестиционные товары вместе с дефицитом последних, но не настолько, как это сделал несколькими годами ранее план Гинденбурга.

Рост спроса на ипотечное кредитование был вызван в первую очередь тем, что жилье в Германии с началом Первой мировой войны строилось редко. При этом потребность в жилье росла. Ипотека и ограниченность возможностей экономики удовлетворить потребность населения в жилье нанесли удар как по финансам Веймарской республики, так и впоследствии по экономике нацистской Германии незадолго до Второй мировой войны.

Другой важной проблемой немецких финансов времен Веймара были внешние заимствования. Как мы сказали выше, они шли в значительной степени на финансирование государственных нужд (около 45% от всех полученных кредитов), а также на решение краткосрочных задач, например, увеличение товарных запасов. Главным кредитором Германии были США, откуда экономика Веймарской республики получила 4.390,5 млн. рейхсмарок в период с 1924 г. по 1930 г. включительно<sup>20</sup>. Общий объем иностранных кредитов за указанный период составил 7.264,7 млн. рейхсмарок. При этом кредиты в среднем выдавались под 7%<sup>21</sup> – это был достаточно высокий, по меркам того времени, для международных кредитов процент. Однако по отдельным кредитам (в основном для частных предприятий) процент доходил даже до 14,99%<sup>22</sup>. Немцам ничего не оставалось, как брать кредиты под высокие проценты в других странах, поскольку финансовая система страны была основательно подорвана в период гиперинфляции.

<sup>14</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Там же.

Надо сказать, что финансовое положение Германии на конец 1930 г. не было столь безнадежным. Оно было намного лучше, чем в 1924 г. Однако от кризиса начала 1920-х гг. достались диспропорции в экономике, что отразилось на финансовой системе страны. Во-первых, на экономику давили налоги и платежи по социальному страхованию. Во-вторых, на фондовом рынке преобладали не совсем надежные ценные бумаги государства и муниципальных властей, что, несомненно, наравне с ипотекой раздувало спекулятивный пузырь. В-третьих, население предпочитало не сберегать долго, а тратить, что стало следствием резкого сокращения потребления в 1919-1923 гг., отсюда возник дефицит «длинных денег» в экономике.

### Социал-демократическая революция и финансы республики

Главная хроническая болезнь германской национальной хозяйства – положение, когда в экономике *слишком много государства*. Эта интернациональная проблема приобрела сильно немецкие оттенки после Первой мировой войны.

В 1918 г. власть в Германии буквально свалилась в руки социал-демократов. Германия до войны была достаточно демократизированной политической системой с низкими нормами налогообложения. Это обстоятельство, по мнению Эриха Людендофа, и стало наравне со слишком широкими полномочиями парламента причиной поражения Германской империи в Великой войне. Рейх, как тогда говорили, был пенсионером земель. Это означало на практике, что федеральное правительство могло удовлетворить потребности за счет собственных источников только на 20% (Стрелец, 2012).

Первая мировая война закончилась не миром, а перемирием 11 ноября 1918 г., мир будет заключен лишь в апреле 1920 г. в Версале. Это означало, что все воевавшие стороны держали армии частично мобилизованными даже через год после прекращения огня. Особенно большой нагрузкой данное обстоятельство явилось для Германии, которая продолжала выпускать военный заем в 1919 г.

В Германии после подписания перемирия накопился обширный государственный долг (по тогдашним оценкам, около 150 млрд. рейхсмарок, хотя, вероятнее всего, эта цифра несколько преувеличена – вероятно, в нее включили все военные издержки Германии). Его можно было, конечно, списать либо на время заморозить по примеру правительства большевиков, которое отказалось от военных обязательств в конце осени 1917 г. Но дело в том, что революция в Германии прошла не по «закону жанра». У власти остались те же люди, что занимали высокие государственные посты при кайзере, только теперь они называли себя диссидентами, которые якобы ранее всеми силами противодействовали зарвавшемуся Вильгельму II. Однако суд над последним германским (а фактически прусским) императором, как того требовали западные союзники, так и не состоялся.

Таким образом, перед правительством социал-демократов встали проблемы: демобилизация армии, репарационные выплаты, выплаты внутреннего долга, социальная помощь инвалидам и семьям погибших. Разумеется, для решения этих вопросов можно было опираться только на внутренние резервы. Наполняемость бюджета Германии была низкой. Но резервы все-таки имелись. Тогда же с подачи видного деятеля социал-

демократов Маттиаса Эрцбергера в общество была запущена идея, что богатые обогатились за счет войны, когда бедные обеднели. Руководствуясь этим (большевистским, по своей сути) лозунгом Эрцбергер провел свою налоговую реформу, которая в 1919-1920 гг. привела к резкому росту налогов, которые падали в первую очередь на богатых и верхушку среднего класса.

По оценкам современников, прямое налогообложение в результате действий Эрцбергера увеличилось в Германии в 13 раз (*Мануйлов, 2009. С. 480*). Им был введен 31 декабря 1919 г. закон «Об имперской жертве», который начинался следующими словами: «п. 1. Чрезвычайные нужды рейха требуют жертв через введение налога на имущество от 10 до 65%» (*Стрелец, 2012*). Ставки по некоторым из немалого составленного списка налогов Эрцбергера достигали 100% от прибыли. Главным потребителем налоговых сборов стала федеральная власть, а не земли, которые попали в финансовую зависимость от социал-демократического правительства.

Расходы распределились следующим образом. Исходя из потребности выплачивать военные долги своим гражданам, Эрцбергер определил ежегодные расходы республики в 25 млрд. рейхсмарок. Из них 17,5 миллиардов должны были уйти на расходы центрального правительства, 5,3 млрд. – на расходы земель, 2,2 млрд. – на репарации союзникам (*Möller, 1971*). Причем, по оценке Эрцбергера, доходы кайзеровской Германии составили 2,3 млрд. рейхсмарок. То есть, Германии предстояло в 10 раз по сравнению с довоенным периодом увеличить свои доходы, чтобы покрыть расходы.

С оценкой государственных доходов Германии в 1913 г. Эрцбергер, вероятнее всего, ошибался. По оценкам Института конъюнктуры, они составили в 1913 г. 4 млрд. рейхсмарок<sup>23</sup>. Тем не менее, Эрцбергер собирался дать большую нагрузку на экономику. Главной причиной тому был фактор, что 90% военных долгов было у граждан с низкими и средними доходами. Списание или замораживание долгов в такой ситуации означало бы удар по интересам большинства граждан республики.

В результате налоговой реформы сложилась противоречивая ситуация. Отказ от преобладания косвенных налогов, как это было при кайзере, и переход к преобладанию прямых налогов был справедливой формой перераспределения доходов. Снижение косвенных налогов стимулировало потребление, но, значит, и толкало вверх инфляцию. Однако из выводов профессора Киршхофа — одного из главных поклонников реформы Эрцбергера — следует, что при кайзере у богатых было больше стимулов инвестировать, так как они почти не платили прямые налоги (*Kirchhof, 2007. P. 79-118*) (налог на доходы физ. лиц не превышал в Пруссии при кайзере 4%). Отсюда следует, что после падения нормы прибыли в 1918 г. у бизнеса даже при сохранении старых норм налогообложения мотивы инвестировать в производство оказались слабее. Специальными потребительскими налогами были обложены особо дорогие товары (15% от стоимости), сахар, уголь, дрова и др. Для каждого товара был введен свой особый тариф (*Möller, 1971*).

Другой стороной нового бюджетного порядка в Германии после

<sup>23</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

реформы Эрцбергера стал принцип уравниловки земель. Эрцбергер не скрывал, что одной из главных целей реформы является уничтожение налоговых «оазисов», когда, например, Баден до войны привлекал много инвестиций из-за мягкого налогового режима. По мнению Эрцбергера, это нарушало равноправие в конкуренции между землями. Однако установление одинаковых налоговых режимов в землях не означало, что они станут одинаково привлекательными в силу рентабельности действующих на их территории производств.

К тому же, Эрцбергер недооценил финансовые потребности земель. Одно только новое строительство в Германии оттягивало на себя огромные, по тем меркам, кредитные ресурсы, о чем ниже.

Эффективность реформы Эрцбергера в краткосрочном периоде вызывает сомнения, так как государственные доходы с начала 1919 г. падали, несмотря на послевоенное оживление экономики. Если в апреле 1919 г. доходы Веймарской республики составили порядка 300 млн. золотых рейсмарок, то в апреле 1920 г. – только около 80 миллионов золотых рейсмарок. Инфляция еще так сильно не проявила себя в экономике к апрелю 1920 г., как это будет в 1922-1923 гг. Повысившись почти до 500 млн. золотых марок в марте 1921 г., государственные доходы резко упали к декабрю этого года, а потом после некоторого подъема покатались вниз, достигнув рекордно низкой за все время существования Веймарской республики отметки в почти 20 млн. золотых рейхсмарок. При этом расходы государства в августе 1923 г. подскочили до почти 1,7 млрд. золотых марок. В сентябре 1923 г. общий объем государственного долга республики перевалил за отметку в 24 млрд. золотых марок, когда в апреле 1919 г. он составил только 1 млрд. золотых марок<sup>24</sup> (<http://www.nowandfutures.com>), не считая задолженности по военным займам.

Причин у снижения собираемости налогов были две, во всяком случае, основные. Это — занижение объемов прибыли, что было вполне возможно, так как прибыль исчислялась как доход за минусом стоимости основного капитала, а также бегство капитала. Жесткие меры пограничного контроля за вывозом из страны денег (вероятнее всего, вывозилось золото) не дали ожидавшегося результата (*Eschenburg and Matthias Erzberger, 1973*).

Если в 1913 г. бумажная рейхсмарка равнялась золотой, то, получается, в Германии при Веймарском режиме резко упала собираемость налогов при значительном росте задолженности. Репарации здесь играли, конечно, определенную роль, но они выплачивались частично товарами, к тому же, их общий объем до весны 1923 г. едва ли превысил 10 млрд. золотых рейхсмарок. Но сопоставление других цифр наводит на размышления. Перед налоговой реформой государственный долг Германии оценивался в 150 млрд. рейхсмарок, когда в 1921 г. - уже 130 млрд. рейхсмарок. Вполне возможно, что правительству удалось выплатить 20 млрд. рейхсмарок, но это — выплата почти половины годового национального дохода страны в период чуть больше года.

Трудно сказать, стала ли реформа Эрцбергера катализатором гиперинфляции в Германии. Надо сказать, что насчет причин инфляции в европейских странах среди исследователей нет до сих пор единого мнения. Ряд специалистов считают, что Германия пережила гиперинфляцию, потому что ее правительство после Первой мировой войны не захотело вернуться к

<sup>24</sup> См.: (<http://www.nowandfutures.com>).

привязке валюты к золоту. Правда, среди различных мнений на тему причин инфляции в Германии после 1918 г. практически не делается акцент на налоговой реформе. Специалисты из Лиги Наций, проведя анализ причин гиперинфляции в Германии, пришли к выводу, что одной из ее причин стал рост налогообложения, вызванный, по их мнению, необходимостью реконструкции экономики после войны<sup>25</sup>.

Мы сомневаемся, что Эрцбергер в своей реформе руководствовался только целями реконструкции экономики, так как в этом просто не существовало необходимости, поскольку на военный заказ работал небольшой процент предприятий, которые и до войны были тесно связаны с государственными заказами. В Германии после перемирия не было необходимости осуществлять программы создания большого количества новых рабочих мест, так как все компании испытывали дефицит кадров. Цель Эрцбергера четко обозначена в приведенном нами выше отрывке из закона от 31 декабря 1919 г., где от богатых требовалась «имперская жертва». Под этим было замаскировано стремление сократить разрыв между бедными и богатыми в обществе, что станет одной из причин многих кризисов в XX веке, а также финансового кризиса 2008-2009 гг.

При социал-демократах расширилось социальное страхование. В 1930 г. расходы на социальное страхование составили в общей сложности 6.148 млн. рейхсмарок, когда в 1929 и 1928 гг. они составили 5.737 и 4.862 млн. соответственно<sup>26</sup>. Проще говоря, система государственных финансов Веймарской республики была устроена так, что развитие финансового кризиса только подталкивало вверх социальные расходы. Происходило это отнюдь не только из-за роста расходов на выплаты пособий по безработице. Так, оплата больничных листов составила в 1929 г. 2.219 млн. рейхсмарок против 2.051 млн. в предыдущем году (Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142). Расходы на социальное страхование в 1929 г. выросли в Германии по сравнению с 1913 г. в 4 раза<sup>27</sup>!

Но вернемся к налоговой реформе Эрцбергера. Многие современники ее не приняли как позитивный фактор в экономике. Однако для официальной историографии ФРГ эта налоговая реформа стала великим достижением (*Стрелец, 2012*). Старая модель бюджетного устройства Германии пошла на слом, а на ее месте появилось достаточно дорогостоящее государство.

Реакцией бизнеса на любое повышение налогов становится повышение цен, снижение зарплаты и, вероятнее всего, сокращение выпуска. Крупный капитал начинает уходить из страны в зоны с большим режимом благоприятствования. По современным оценкам, общая сумма зарубежных активов немецких резидентов составила к концу веймарского периода порядка 10 млрд. рейхсмарок (*Меллер, 2010. С. 121*). Но при этом в общей сложности было взято частных и государственных кредитов на сумму 20,5 млрд. рейхсмарок в период с 1924 по 1931 гг. (*Меллер, 2010. С. 121*). Мы считаем, что этот показатель был ниже минимуму в 2 раза, если учитывать,

<sup>25</sup> См.: League of Nations, Economic, Financial and Transit Department. The Course and Control of Inflation. A Review of Monetary Experience in Europe after World War I, reprinted edition, New York 1978.

<sup>26</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

<sup>27</sup> Там же.



что Институт конъюнктуры определил сумму внешних заимствований с 1924 по 1930 гг. в 7,3 млрд. рейхсмарок<sup>28</sup>. Это означает, что национальный капитал из Германии уходил в *очень* большом объеме.

Низкие объемы инвестирования, вызванные как бегством капитала, так и нежеланием населения много сберегать, а также государственной налоговой политикой привели Германию к ситуации низкой продуктивности при быстром росте спроса. Данный факт хорошо виден по ситуации со строительством.

Жилищным и коммунальным строительством (мосты, дороги, общественные здания и сооружения и т. п.) в Веймарской республике обязаны были заниматься муниципальные власти. Рост экономики вел к росту спроса на жилье и транспортные услуги, что толкало вверх муниципальные расходы. В результате послевоенной трансформации и усиления профсоюзов стоимость труда в Германии практически не сдерживалась в своем росте. Такой механизм просто отсутствовал (его не было и в кайзеровской Германии). О временном замораживании зарплаты думал в 1916 г. Гинденбург, но социал-демократы заблокировали эту меру в парламенте. В революционные дни осени 1918 г. с рыночной заработной платой было фактически покончено, так как установление ставки оплаты труда взял в свои руки специальный рабочий комитет *Zentralarbeitsgemeinschaft*. Впоследствии исследователи заметили, что данный фактор негативным образом сказался на развитии экономики Веймарской республики (*Schacht, 1931; Bochar, 1990; Bochar, 1991*), так как снизил продуктивность труда и мотивы бизнеса создавать новые рабочие места. Получалась ситуация, как утверждают сторонники этой концепции, что большую зарплату получали те, за кем стоял более сильный профсоюз.

Мы не отрицаем, что профсоюзы на каких-то этапах развития Веймарской республики могли сыграть негативную роль, искусственно завывсив зарплату. Однако профсоюзное движение было сильно и в других странах Европы. В Норвегии, например, к власти в начале 1920-х гг. тоже пришло рабочее правительство.

Новейшие исследования показали, что продуктивность труда в германской экономике в период Веймара была немного ниже, чем в Великобритании. В 1929 г. немецкая экономика произвела товаров на 23,6% больше, чем в 1913 г., задействовав при этом работников на 10,6% больше, чем в 1913 г., когда в Великобритании эти показатели были 24,2% и — 2,2% (*Broadberry and Burhop, 2007, С. 315-349*). Проще говоря, немецкая экономика к моменту начала Великой депрессии в Европе оказалась более трудоемкой, чем британская. Это говорит в пользу того, что британская экономика была более технологически развита.

Зарплата в Германии продолжала расти на протяжении всего 1931 г., хотя в стране уже развивался кризис (*Dimsdale, Horsewood and van Riel, 2006. P. 778-808*). Данное положение, на наш взгляд, могло быть вызвано как действием профсоюзов, так и долгосрочными трудовыми контрактами, хотя данный вопрос требует отдельного рассмотрения.

В развитии ситуации с рынком труда в Германии начала 1930-х гг. имеется и другой феномен — быстрое восстановление занятости на

<sup>28</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

докризисном уровне буквально в течение 10 месяцев после прихода к власти Гитлера (*Dimsdale, Horsewood and van Riel, 2006. P. 778-808*). Едва ли национал-социалисты так быстро могли справиться с кризисом. Эффективность мер предыдущего правительства тоже вызывает сомнения у историков, именно выполнявшего план Юнга Генриха Брюнинга обвиняли в кризисе 1931-1932 гг.

Как мы сказали выше, одной из главных причин кризиса германской экономики стало строительство, что во многом стало следствием уже самой архитектуры национального хозяйства Веймарской республики. Рост заработных плат происходил, вероятнее всего, только в отдельных сегментах экономики, так как заработная плата в Германии вышла на довоенный уровень примерно к весне 1931 года после своего старта с отметки приблизительно 75% от уровня 1914 г. в середине 1924 г. (*Dimsdale, Horsewood and van Riel, 2006. P. 778-808*). Стоимость труда растет обычно в тех сегментах экономики, где рабочие руки более всего востребованы. В Веймарской республике после 1924 г. началось что-то напоминающее строительный бум.

В результате к 1929 г. реальная зарплата неквалифицированного строительного рабочего выросла на 73% по сравнению с 1914 годом<sup>29</sup>. Поскольку доля труда в прибыли немецких предприятий обычно колебалась около 70%, то можно предположить, что зарплатоемкость строительства была примерно такой же.

В результате роста стоимости труда строительных рабочих повысились расходы муниципалитетов. Если 31 марта 1929 г. новая задолженность муниципальных органов составила почти 7,5 млрд. рейхсмарок, то 31 декабря 1930 г. – уже 8146 млн. рейхсмарок<sup>30</sup>. Такой рост задолженности муниципалитетов не мог не оказать сильного давления на рынок кредита в Германии. Сумма в более 8 млрд. рейхсмарок составляла почти средний ежегодный объем сделанных в экономике накоплений и иностранных кредитов.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Мануйлов А. А.* (2009). Финансирование войны. Великая забытая война. М.: Яуза, Эксмо.

*Меллер Х.* (2010). Веймарская республика: Опыт одной незавершенной демократии. М.: Российская политическая энциклопедия (РССПЭН).

Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

*Ротбард М.* (2005). История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум.

*Стрелец М. В.* (2012). Вестник Московского государственного университета им. М. А. Шолохова. Серия: История и политология, № 2.

*Baten J. and Shulz R.* (2005). Making Profits in Wartime: Corporate Profits, Inequality, and GDP in Germany during the First World War. *The Economic History Review, New Series*, vol. 58, no. 1, Feb.

*Borchardt K.* (1990). A Decade of Debate about Brüning's Economic

<sup>29</sup> См.: Отчет Института конъюнктуры о состоянии экономики Германии. РГВА, Ф. 1458, оп. 3, д. 2142.

<sup>30</sup> Там же.

Policy / Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924-1933, edited by Jiirgen von Kreudener, 99-155. Oxford: Berg.

*Borchardt K.* (1991a). Constraints and Room for Manoeuvre in the Great Depression of the Early Thirties: Towards a Revision of the Received Historical Picture / Perspectives on Modern German Economic History and Policy, edited by Knut Borchardt, 143-60. Cambridge: Cambridge University Press.

*Borchardt K.* (1991b). Economic Causes of the Collapse of the Weimar Republic / Perspectives on Modern German Economic History and Policy, edited by Knut Borchardt, 161-84. Cambridge: Cambridge University Press.

*Borchardt K.* and *Ritschl A.* (1992). Could Brüning Have Done It? A Keynesian Model of Interwar Germany, 1925-1938. *European Economic Review*, no. 36, pp. 695-701.

*Broadberry S.* and *Burhop C.* (2007). Productivity in British and German Manufacturing before World War II: Reconciling Direct Benchmark Estimates and Time Series Projections. *The Journal of Economic History*, vol. 67, no. 2007, pp. 315-349.

*Dimsdale N. H., Horsewood N.* and *van Riel A.* (2006). Unemployment in Interwar Germany: An Analysis of the Labor Market, 1927-1936. *The Journal of Economic History*, vol. 66, no. 3, Sep., pp. 778-808.

*Eschenburg T.* and *Matthias Erzberger* (1973). Der große Mann des Parlamentarismus und der Finanzreform, München.

*Hardach G.* (1973). Der Erste Weltkrieg, 1914-1918. Munich.

*Kirchhof P.* *Matthias Erzberger, seine Bedeutung als* (2007). Finanzreformer für unsere Gegenwart, in: *Matthias Erzberger 1875-1921. Patriot und Visionär*, Hrsg. Christoph Palmer und Thomas Schnabel, Stuttgart-Leipzig, pp. 79- 118.

League of Nations, Economic, Financial and Transit Department. The Course and Control of Inflation. A Review of Monetary Experience in Europe after World War I, reprinted edition, New York 1978.

*Möller A.* (1971). Reichsfinanzminister Matthias Erzberger und sein Reformwerk, Informationshefte des Bundesministeriums für Wirtschaft und Finanzen, Bonn.

*Schacht H.* (1931). The End of Reparations: The Economic Consequences of the World War. London: Jonathan Cape.

*Schmidt C. T.* (1934). German Business Cycles 1924-1933. New York: NBER.

*Sommariva A.* and *Giuseppe T.* (1987). German Macroeconomic History, 1880- 1979. London: Macmillan.

*Wessels J-W.* (2007). Economic Policy and Microeconomic Performance in Inter-War Europe. The Case of Austria, 1918 – 1938. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, pp. 36-39.

#### REFERENCES

*Manujlov A. A.* (2009). Financing of war. Great forgotten war. M.: Jauza, Eksmo. (in Russian).

*Meller H.* (2010). Weimar Republic: Experience of one not finished democracy. M.: Russian Political Encyclopedia. (in Russian).

Report of Institute conjuncture about economic situation in Germany. RSMA, F. 1458, op. 3, File 2142. (in Russian).

*Rothbard M.* (2005). A history of money and banking in the United States.

Chelyabinsk: Society. (in Russian).

*Strelets M.* (2012). Bulletin of Moscow State University. M. A. Sholokhov. Series: History and Political Science, no. 2. (in Russian).

*Baten J. and Shulz R.* (2005). Making Profits in Wartime: Corporate Profits, Inequality, and GDP in Germany during the First World War. *The Economic History Review, New Series*, vol. 58, no. 1, Feb.

*Borchardt K.* (1990). A Decade of Debate about Brüning's Economic Policy \ Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924-1933, edited by Jiirgen von Kreudener, 99-155. Oxford: Berg.

*Borchardt K.* (1991a). Constraints and Room for Manoeuvre in the Great Depression of the Early Thirties: Towards a Revision of the Received Historical Picture \ Perspectives on Modern German Economic History and Policy, edited by Knut Borchardt, 143-60. Cambridge: Cambridge University Press.

*Borchardt K.* (1991b). Economic Causes of the Collapse of the Weimar Republic \ Perspectives on Modern German Economic History and Policy, edited by Knut Borchardt, 161-84. Cambridge: Cambridge University Press.

*Borchardt K. and Ritschl A.* (1992). Could Brüning Have Done It? A Keynesian Model of Interwar Germany, 1925-1938. *European Economic Review*, no. 36, pp. 695-701.

*Broadberry S. and Burhop C.* (2007). Productivity in British and German Manufacturing before World War II: Reconciling Direct Benchmark Estimates and Time Series Projections. *The Journal of Economic History*, vol. 67, no. 2007, pp. 315-349.

*Dimsdale N. H., Horsewood N. and van Riel A.* (2006). Unemployment in Interwar Germany: An Analysis of the Labor Market, 1927-1936. *The Journal of Economic History*, vol. 66, no. 3, Sep., pp. 778-808.

*Eschenburg T. and Matthias Erzberger* (1973). Der große Mann des Parlamentarismus und der Finanzreform, München.

*Hardach G.* (1973). Der Erste Weltkrieg, 1914-1918. Munich.

*Kirchhof P. Matthias Erzberger, seine Bedeutung als* (2007). Finanzreformer für unsere Gegenwart, in: Matthias Erzberger 1875-1921. Patriot und Visionär, Hrsg. Christoph Palmer und Thomas Schnabel, Stuttgart-Leipzig, pp. 79- 118.

League of Nations, Economic, Financial and Transit Department. The Course and Control of Inflation. A Review of Monetary Experience in Europe after World War I, reprinted edition, New York 1978.

*Möller A.* (1971). Reichsfinanzminister Matthias Erzberger und sein Reformwerk, Informationshefte des Bundesministeriums für Wirtschaft und Finanzen, Bonn.

*Schacht H.* (1931). The End of Reparations: The Economic Consequences of the World War. London: Jonathan Cape.

*Schmidt C. T.* (1934). German Business Cycles 1924-1933. New York: NBER.

*Sommariva A. and Giuseppe T.* (1987). German Macroeconomic History, 1880- 1979. London: Macmillan.

*Wessels J-W.* (2007). Economic Policy and Microeconomic Performance in Inter-War Europe. The Case of Austria, 1918 – 1938. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, pp. 36-39.